

НЕМНОГО О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ МАЛЫШЕВЕ¹

Открывая наши очередные «Чтения» памяти Владимира Ивановича Малышева, мне хотелось бы сказать о нем как о личности — личности крупного ученого и исключительно привлекательного и своеобразного человека.

Владимир Иванович как ученый не был чьим-то учеником. Академик А. С. Орлов, его университетский преподаватель, при всем его уважении к рукописям, к занятиям рукописями, не был собирателем рукописей. А. С. Орлов изучал рукописи, уже хранившиеся в библиотеках, и всегда призывал к этому. Но кроме того, А. С. Орлов не

¹ Вступительное слово к «Чтениям памяти В. И. Малышева», 1978 г.

Владимир Иванович Малышев

создавал учеников. Он любил молодежь, любил студентов, но у него не было своей научной школы — такой, какая была у академика В. Н. Перетца или у В. П. Адриановой-Перетц.

Владимир Иванович как ученый «сделал самого себя»...

Уже на студенческой скамье он проявил свой интерес к собиранию рукописей, стал ездить на Север и добывать рукописные книги. Собрание рукописей в известной мере формировало его научное мировоззрение. Оно выросло на основе его научной деятельности, было органическим, цельным. Он вообще был цельной натурой.

Вы помните, как он одевался, как свободно и уверенно вел себя на заседаниях, его собственное отношение к лю-

дам, к учебным, к книгам — всегда самостоятельное и свое, «малышевское». Вы помните его труды, в которых всегда легко можно было узнать личность их автора.

Не буду давать характеристику ему. Рассказы о нем надо всячески фиксировать, но рассказывать о нем как о мертвом может быть еще рано: мы все его хорошо помним живым и очень чувствительны ко всякой фальши. Но об одной важной черте его научного мировоззрения мне все же хочется сказать, открывая наши «Чтения».

Как вы все хорошо помните, он полушутя-полусерьезно не любил «проблемщиков». Он и подсмеивался над «проблемщиками», да и не читал их работ.

Был ли он прав?

Прав он не был, но правда в его отношении к «проблемщикам» была — своя, «малышевская» правда. Может быть, такую же правду имеют и те, кто занимается «проблемами», не зажимаясь рукописями? Нет, я не хочу сказать, что в равной мере правы и те, и другие.

Позвольте привести один образ. Наука — это многоэтажное здание. Как и всякое здание, она имеет фундамент — материал, который наука изучает, потом есть первый этаж — непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются этажи «проблем» и «теорий», обобщений и гипотез. Иногда эти этажи поднимаются так высоко, что почву, землю с их высоты почти не видно и материал приходится разглядывать в бинокль или телескоп. В эру космонавтики мы знаем, что такое «телескопическое зрение» тоже дает важнейшие результаты. Но вот что важно. Никакое здание не может быть построено без первого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть. Поэтому люди рукописей и люди голых теорий не равноценны.

Первые могут существовать без вторых, но «проблемщики» в чистом виде — это строители воздушных замков, стремящиеся воздвигнуть верхние этажи без первых, иногда это пустые «генераторы идей».

Вы можете возразить мне, что ведь построил же Косцюшко в Москве здание на столбах. Да, на столбах, но столбы все-таки были и это и был «первый этаж», но только, разумеется, плохой, не подходивший к московскому климату и московским условиям жизни, и при всем

уважении современных зодчих к Корбюзье пришлось пространство между столбами застроить и нарушить цельность архитектурного замысла.

Есть люди, предпочитающие жить в первых этажах. Кто они? Это по преимуществу крестьяне, люди любящие и уважающие землю. Им нужно быть ближе к земле. Они любят «конкретный труд» и «конкретные результаты» своего труда: труд их приобретает материализованную форму, он имеет тяжесть, весомость, он «питает», «кормит».

И вот я подхожу к самому главному.

Владимир Иванович любил жить в одноэтажном доме науки, потому что он не был горожанином, он всегда оставался в городе выходцем из деревни!

На самом деле это было не совсем так. Он родился в небольшом провинциальном городе Наровчатске около Пензы. Но он был по типу своему представителем той деревенской культуры, которая дала России множество выдающихся деятелей культуры, и по преимуществу поэтической. Горожанами, но «выходцами из деревни» были Никитин, Кольцов, Есенин, Клюев, Твардовский и многие другие. В известной мере, хотя и совсем по другому, жителями села были Лев Толстой и даже Пушкин. Это целый пласт русской культуры и, как я уже сказал, русской поэзии.

Вот к этому пласту русской культуры принадлежал и Владимир Иванович. Это Клюев и Есенин нашей науки. Владимир Иванович Малышев — крестьянский поэт. Вот почему он предпочитал одноэтажные деревенские дома в науке. Он любил землю и имел на это поэтическое и научное право. Вот почему и его рукописное собрание, собрание, которое мы привыкли называть «Малышевским», — «Древлехранилище» ИРЛИ АН СССР — это большая крестьянская библиотека.

Вот почему он, как и все крестьянские поэты, «сделал сам себя», как «сделали себя» Кольцов и Есенин.

Характерно следующее: он не любил произведений, которых не встречал в рукописях. Когда-то его усилиями был создан известный «красный сборник» о «Слове о полку Игореве» (Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950), но в целом он «Слово» не любил. В «Слове» не было крестьянской прямоты. Это памятник аристократической культуры Древней Руси. Он мало читал белле-

тристику, и среди печатных изданий его любимым чтением были описания рукописных собраний.

Мы еще много будем говорить о Владимире Ивановиче Малышеве. Он оставил по себе прочную память, — и это не только в первую очередь «Древлехранилище имени В. И. Малышева», но и Аввакум, с которым он себя навечно связал.